

ВЫ НАШИ БРАТЯ!

(Открытое письмо къ оставшимся русскимъ патриотамъ)*).

Мы не судимъ васъ и не осуждаемъ. Мы знаемъ, какое бремя вы несете и знаемъ, что исторія оцѣнитъ ваши заслуги передъ Россіей. Вы любите родину, вы страдаете отъ ея разложенія и униженія, и служите ей; — съ насъ этого довольно, мы вѣримъ вамъ. Вы наши братья! И никто не поставилъ насъ судьями, чтобы судить васъ, нашихъ братьевъ . . .

Историческая трагедія, разложившая и унижившая нашу родину, разлучила насъ съ вами и разметала насъ по всему міру. Вы правы:—нельзя было, не надо было всѣмъ покидать свое мѣсто, уходить на окраины или эмигрировать. Наивно думать, что всѣ люди способны къ активному героизму, къ мечу, къ заговору, къ исповѣдничеству. Каждому свое дѣло; съ каждаго по способностямъ. И устарѣвшій укоръ, обращенный къ «оставшимся» («зачѣмъ не ушли»), относится къ эпохѣ минувшей гражданской войны. Надо было не только уходить; надо было и оставаться. И вѣрьте, что мы научились цѣнить вашъ пассивный героизмъ, реально, изо дня въ день изживающій въ лишеніяхъ и униженіяхъ вынужденной терроромъ лояльности — тотъ строй, который намъ не удалось доселѣ сбросить.

Но поймите и вы насъ. Не думайте о насъ того, что внушаютъ вамъ наши враги. Вѣрьте намъ такъ, какъ мы вѣримъ вамъ. И тогда намъ будетъ легче переносить нашу жизнь среди чужихъ народовъ и легче будетъ бороться за Россію.

Да, намъ не удалось доселѣ сбросить этотъ строй. Но исторія еще движется и время работаетъ на Россію и на насъ. Мы не сложили руки; мы не забыли

*) Отвѣтъ на письмо «Прибывшаго оттуда», см. «Русскій Колоколь», № 1.

свой долгъ. Насъ не тридцать тысячъ. Насъ около милліона. Мы разбросаны и разсѣяны; мы въ огромномъ большинствѣ нуждаемся, даже бѣдствуемъ, прокармливаемся съ трудомъ и ведемъ чернорабочую жизнь. Среди насъ есть и утомленные обыватели; есть и малодушные; есть и отдѣльные перебѣжчики; гдѣ и когда ихъ не было? Но въ общемъ и цѣломъ мы живемъ однимъ — Россією, ея освобожденіемъ, нашимъ грядущимъ возвращеніемъ и нашей будущей совмѣстной съ вами работой надъ ея возсозданіемъ.

Намъ тяжело жить на чужбинѣ. Труденъ заработокъ; трудно воспитывать дѣтей; трудна и горька всяческая личная зависимость; но тяжеле всего и горше всего — чувство нашего національнаго униженія и сознаніе того, что именно наши поколѣнія не сумѣли уберечь Россію...

Мы не «бѣженцы» и не «конченные люди»; мы не потеряли сердца и воли, и не разложились духовно. Наше пребываніе въ эмиграціи имѣетъ государственнй и духовнй смыслъ и мы сознаемъ это: оно служитъ Россіи и мы всегда это помнимъ.

Въ своей борьбѣ съ коммунистическимъ порабощеніемъ Россія нуждается въ свободномъ дыханіи, въ непорабощенныхъ силахъ, въ независимомъ голосѣ, въ активномъ и инициативномъ зарубежномъ меньшинствѣ. Россія нуждается въ культурномъ, духовномъ и политическомъ представительствѣ среди другихъ народовъ, которые должны имѣть передъ собою ея истинный національно-государственный ликъ и помнить о томъ, что «союзъ социалистическихъ республикъ» не есть Россія и никогда ею не станетъ!

Мы блюдемъ здѣсь русскую вѣру, русскій бытъ, русскій духъ, русскій кадръ. Мы растимъ и обучаемъ новое поколѣніе вѣрныхъ и національно мыслящихъ русскихъ патріотовъ. Мы сами многое передумали и во многомъ до глубины обновились. Мы уже не прежніе, заносчивые и радикальные интеллигенты, безвѣрные и безнаціональные, отравленные республиканствомъ, социализмомъ и интернаціонализмомъ. — честолюбивые въ личныхъ дѣлахъ и сентиментально-безвольные въ государственныхъ... Но мы также и не прежніе жадные и озлобленные реакціонеры, боящіеся за свое имущество и пре-

зирающе русскій простой народъ... Мы выше всего ставимъ р о д и н у, ея духовное величіе и ея хозяйственный расцвѣтъ. Страданіями, вѣрностью и служеніемъ мы искупаемъ свои ошибки. И за вѣрность, и за служеніе — мы съ своей стороны готовы забыть все въ прошлыя ошибки и паденія...

Съ кѣмъ бы мы ни соприкасались изъ иностранцевъ, мы считаемъ своею обязанностью разъяснять имъ сущность русской революціи, ея противорелигіозную и разрушительную природу, ея духовную и хозяйственную противоестественность, ея заразительность, ея міровую опасность; и побуждать ихъ къ тому, чтобы они никакъ и ничѣмъ не содѣйствовали поработителямъ Россіи. Не думайте, что это дѣло легкое и простое. Въ большинствѣ странъ, какъ всегда послѣ трудной войны, имѣется утомленіе, безволіе, политическая близорукость, узкій эгоизмъ и какая-то легкомысленная безпечность. Каждая страна ограждаетъ себя и лишь съ трудомъ разумѣетъ международную солидарность. И ни одна не заинтересована по настоящему въ возрожденіи Россіи... Все признаютъ нашу культуру... и почти все опасаются нашей грядущей силы!..

Все это мы видимъ и понимаемъ. Но это вызываетъ въ насъ не уныніе и не растерянность, а лишь болѣе отчетливое, болѣе острое сознаніе лежащихъ на насъ обязанностей. Мы русскіе должны помочь себѣ сами; тогда намъ помогутъ и другіе. Мы знаемъ, что сильному часто помогаютъ охотнѣе, чѣмъ слабому: ибо имущему дается, а у неимущаго отнимается...

Но понимая нашъ долгъ, мы понимаемъ и наши опасности. Ихъ три.

Первая — отрывъ отъ внутренней русской жизни: намъ грозитъ неосвѣдомленность, непониманіе, утрата чувства реальности, оперированіе съ воображенными величинами. Мы постоянно помнимъ эту опасность, боремся съ нею и боремся успешно. Недаромъ наши экономическіе и политическіе анализы вызываютъ гнѣвъ коммунистовъ: эти анализы вѣрны и точны, хотя мы упорно избѣгаемъ переписываться съ тѣми, кто внутри Россіи, и не пользуемся «экономическимъ шпионажемъ»...

Вторая опасность — это смѣшеніе Россіи съ ея совѣтски-коммунистическимъ строемъ: изъ-за вражды къ коммунистамъ

мы не можемъ и не должны упускать изъ вида національные, вѣчные интересы самой Россіи. Для погубленія ея враговъ нельзя губить ея собственную сущность и естество; нельзя безоглядно усвоивать принципъ: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»; нельзя впадать въ плоское и злорадное пораженчество. Напротивъ, ударяя по коммунистамъ, мы всегда должны помнить и ограждать интересъ нашей родины. Мы знаемъ эту опасность и, помня о ней, мы всегда провѣряемъ свои сужденія и рѣшенія.

И третья опасность наша — это озлобленіе и жажда мести, чувства, которыя казалось бы могли бы быть столь естественными у все потерявшихъ изгнанниковъ. Но и эта опасность преодолѣна нами. Испытанія были слишкомъ велики; крушеніе Россіи было слишкомъ трагично; любовь къ родинѣ и тоска по ней слишкомъ глубоки въ насъ для того, чтобы въ душахъ удержались мелкая злоба и мстительныя намѣренія. Есть среди насъ озлобленные; но они одиноки. Есть, можетъ быть, и мстительныя натуры; но эти люди никого за собою не ведутъ и вѣса не имѣютъ. Мы, зарубежные русскіе патріоты — не живемъ злобою и о мести не мечтаемъ.

Да, мы враги коммунизму и коммунистамъ; враги до конца. Между нами и ими не можетъ быть ни компромисса, ни примиренія. Ибо мы считаемъ весь замыселъ ихъ и всю ихъ дѣятельность — кощунственными, противоестественными и для Россіи гибельными; мы считаемъ, что они во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ и планахъ приносятъ русскій національный, всенародный и простонародный интересъ въ жертву темнымъ и порочнымъ цѣлямъ враждебныхъ нашей родинѣ организацій. Исторія однажды раскроетъ корни этихъ организацій и назоветъ ихъ по имени. А мы за эти десять лѣтъ измѣрили до дна ихъ свирѣпую ненависть къ Россіи.

Но мы остро и зорко отличаемъ соблазнителя отъ соблазненного, свирѣпаго вожака отъ довѣрчиваго слѣнца, сильнаго злодѣя отъ слабаго обывателя, интернаціоналиста отъ патріота. Мы хорошо знаемъ съ кѣмъ мы боремся; мы знаемъ, кто заслуживаетъ непримиримости, кто — прощенія, а кто — братскаго состраданія и уваженія. Мы освѣдомлены больше, чѣмъ кто-нибудь думаетъ. И если мы ведемъ нещадную борьбу съ

коммунистами, то всей некоммунистической Россіи мы несемъ миръ, прощеніе личныхъ обидъ, забвеніе личныхъ потеръ и искреннее, патріотическое братство: примиреніе и воссоединеніе. Но и рядовыхъ коммунистовъ нещадная борьба ждетъ лишь до тѣхъ поръ, пока они будутъ отстаивать свою безумную и преступную затѣю, пока они не одумаются, не отрезвятся и не вольются покаянно въ русское національное дѣло. Въ Россіи есть мѣсто и будетъ мѣсто всѣмъ ея сынамъ — и обратившимся, и передумавшимъ. и научившимся въ суровомъ опытѣ. Нѣтъ мѣста только ея врагамъ; нѣтъ — и не будетъ.

Мы хотимъ вернуться въ Россію не «революціонерами» и не «контръ-революціонерами»: а просто ея вѣрными сынами, ея строителями и блюстителями. Мы не «революціонеры», которые изъ честолюбія и вздорной химеры разрушаютъ и разлагаютъ страну; и отъ этого ожидаютъ «всеобщаго счастья». Но мы и не «контръ-революціонеры», одержимые жадностью и злобою, которые только и думаютъ о томъ, чтобы поставить все на старое мѣсто, возстановить разрушенное, взыскать убытки и отомстить всѣмъ бунтовавшимъ. Такъ рисуютъ насъ коммунисты. Не вѣрьте имъ! Это клевета, которая нужна имъ для того, чтобы напугать васъ и раздѣлить насъ съ вами. Намъ дорога Россія, ея величіе и ея расцвѣтъ, а не «старые порядки». Мы твердо знаемъ, что время уноситъ все безвозвратно; что исторія не повторяется; что замученные и умершіе не встанутъ изъ гробовъ и что въ Россіи только и можетъ быть новый порядокъ. Но пусть же онъ будетъ лучшимъ и справедливымъ порядкомъ, который освобождаетъ всѣ благія силы народа и сковываетъ всѣ его злыя силы!..

Передъ лицомъ нашей національной трагедіи, передъ лицомъ нашего грядущаго возрожденія мы твердо и честно выговариваемъ: ни сословные и классовые предрассудки, ни партійныя пристрастія не владѣютъ нами! Россія нуждается не въ новой гражданской войнѣ и не въ новомъ — имущественномъ передѣлѣ. Россія нуждается въ томъ, чтобы возникла новая національная и патріотическая власть, которая положила бы конецъ всяческому коммунизму и очистила бы страну отъ ея враговъ и вредителей; которая покрыла бы всеобщей амнистіей преступления и ошибки революціоннаго вре-

мени; положила бы въ основу новой Россіи начала чести, справедливости, заслуги и собственности; закрѣпила бы твердой рукой законный порядокъ и возсоздала бы духовное, хозяйственное и военное могущество нашей родины.

Это задача не «революціонная» и не «контръ-революціонная»; это задача органическая, строительная и національная. И ей мы хотимъ служить патріотически и за совѣсть. И во имя ея мы желаемъ сверженія коммунистическаго ига.

Такъ мы судимъ и отвергаемъ коммунистовъ. Но мы не судимъ и не осуждаемъ никого изъ васъ, оставшихся въ Россіи русскихъ патріотовъ; мы знаемъ, къ какимъ компромиссамъ вы были вынуждены, и горько скорбимъ о томъ, что намъ не удалось своевременно избавить васъ отъ этихъ компромиссовъ. Мы знаемъ, что вы были вынуждены стать въ отношеніе «лоіяльности» къ совѣтской власти, не судимъ и не осуждаемъ васъ и за это. Мало того; мы хотѣли бы, чтобы вы знали, что мы любимъ васъ какъ братьевъ и страдальцевъ; и что мы мечтаемъ о нашей грядущей совмѣстной съ вами работѣ въ Россіи.

Одно важно: вы должны сами знать и помнить, что ваша лояльность — недобровольная, а вынужденная; вынужденная голодомъ, моральною пыткой и прямыми угрозами. За изъявленіе такой лояльности — нельзя судить и осуждать; но ей нельзя придавать и связующаго значенія! Въ послѣднемъ, религіозномъ и совѣстномъ измѣреніи — она не имѣетъ ни вѣса, ни цѣны. Она — нравственно и патріотически ничтожна! Она не связываетъ васъ. Внутри, наединѣ съ собою, передъ лицомъ Божіимъ — не вѣрьте ей! Подумайте только — ужели вы предъ Богомъ обязались сочувствовать всѣмъ свирѣностямъ, всѣмъ низостямъ, всѣмъ преступленіямъ коммунистовъ? ужели вы предъ совѣстью вашею дали клятву содѣйствовать распространенію міровой заразы и духовнаго растлѣнія? ужели вы патріотически обязаны губить Россію во имя коммунистической химеры и всеобщаго грабежа? Нѣтъ, нѣтъ! Слова и «служба» — одно; а святилище сердца и совѣсти — другое. Берегитесь же, чтобы звуки вынужденныхъ словъ не осѣдали въ вашемъ сердцѣ: чтобы формальная

служба не превращалась въ служеніе; чтобы совѣтскія «подписки» и «анкеты» не полонили незамѣтно ваше чувство чести, къ которому онѣ не имѣютъ никакого отношенія! Блюдайте въ вашей душѣ священную увѣренность въ томъ, что совѣтское правительство никогда не станетъ вашимъ, русскимъ правительствомъ; что его интересъ, противоположный интересу Россіи — никогда не станетъ вашимъ за совѣсть.

Мы знаемъ, сколь мучительна эта систематическая ложь и какъ опасно не выдержать ее, согнуться, привыкнуть и начать примиряться съ властью сатаны. Но это бремя есть необходимая часть того бремени, которое вы несете для Россіи и за Россію. Разъ пойдя на вынужденную ложь, помните, что это — ложь; не вѣрьте ей сами. Помните: разъ повѣривъ ей — вы неизбежно повѣрите всей той сатанинской лжи, въ которой нынѣ задыхается національная Россія; и тогда ложь сатаны неизбежно поглотитъ васъ. Несите это бремя раздвоенія личности; и ищите укрѣпленія и утѣшенія въ религіи. Исторія заставляетъ васъ стать непроницаемыми по отношенію къ злодѣямъ. Берегите эту непроницаемость; не бойтесь этой «неискренности»: она служитъ Россіи. Пусть душа ваша будетъ безусловно прозрачна передъ Богомъ и искренна со своей совѣстью; но пусть замкнется она отъ Божіихъ враговъ. Помните: спасти Россію смогутъ только неповѣрившіе до конца!

Крѣпитесь же до конца. Не удручайте себя безплодными угрызеніями и не затѣвайте неумѣлыхъ и безнадежныхъ заговоровъ. Да, для заговоровъ нуженъ особый закалъ души, особое техническое умѣніе, твердость воли и безошибочный расчетъ. Для этого нужна особая подготовка. И это дѣло своевременно сдѣлаютъ тѣ, кто къ нему подготовился. А вы храните живую готовность поддерживать сочувствіемъ и хотя бы душевнымъ откликомъ всякое благое начинаніе.

Будьте увѣрены въ томъ, что исторія оцѣнитъ пассивный героизмъ вашей лойяльности. А мы останемся до конца нелойяльными, свободными и непримиримыми; пока не придетъ день сверженія.